

М. К. СТЕПЕРМАНИС

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Этнографические сведения о латышах встречаются в хрониках, в записках путешественников, а также в обширных трудах А. Гупеля (1737—1819), И. Броце (1742—1823), О. Гуна (1764—1832). Однако начало развития этнографии как науки в Латвии тесно связано с деятельностью двух русских научных обществ. В 1845 г. в Петербурге было основано Русское географическое общество, Этнографический отдел которого составлял программы по собиранию этнографического материала и рассылал их по разным областям России. Эти программы были получены и в Латвии, откуда начали поступать в Общество различные материалы о быте и культуре латышского народа.

Не менее важную роль в этнографическом изучении латышей сыграло возникшее в 1864 г. в Москве Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии¹. В 1867 г. это Общество организовало в Москве этнографическую выставку, где были представлены экспонаты и из Латвии. Оба Общества приступили к организации экспедиций для систематического сбора этнографического материала в Латвии. Поводом к более глубокому изучению латышской народной культуры послужил вопрос о родстве русского и латышского народов. По поручению Русского географического общества в Латвию в 1869 г. был направлен студент Петербургского университета Юлий Калейс-Кузнецов, а Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии направило туда же студента Московского университета Фрица Бривземниек-Трейланда. Их задача заключалась в организации в Латвии систематического собирания этнографического материала. В том же году в «Записках Русского географического общества» появился указатель литературы о народах Прибалтики, составленный Кришьяном Бароном². Таким образом, в 50—60-х годах XIX в. было положено начало научному сотрудничеству русских и латышских этнографов.

Такое сближение и сотрудничество латышей с русскими было весьма нежелательным для прибалтийских немцев; они старались по мере возможности препятствовать знакомству латышей с русской наукой и русскими учеными. Немецкий пастор А. Биленштейн, который целью своей деятельности считал «стойко охранять незабываемые основы немецкого дела в Балтийской земле»³ и приобрел печальную известность своими враждебными выступлениями против издававшейся в Петербурге прогрессивной латышской газеты «Петербургс авизес», всячески пытался помешать Ю. Калейс-Кузнецову и Фр. Бривземниеку в их работе по собиранию этнографического материала в Латвии.

Деятельность А. Биленштейна носила ярко выраженную политическую окраску, проявлявшуюся в борьбе против распространения влияния русской культуры в Латвии и за сохранение немецкой культуры, в свое время навязанной латышам и эстонцам⁴. Труды Биленштейна по археологии и этнографии должны были доказать «культуртрегерскую» работу немцев в Латвии, доказать, что именно немцы построили каменные замки, основали города и принесли немецкую культуру язычникам-латышам, имевшим до прихода немцев только деревянные городища. Следовательно, по мнению Биленштейна, немцы для латышей не были чужестранцами, подобно русским или шведам⁵.

В 1896 г. в Риге состоялся X археологический съезд, во время которого латыши устроили этнографическую выставку. Биленштейн учел важное политическое и науч-

¹ См. Д. Э. Земзаре, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и развитие латышской этнографической науки, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, М., 1950, стр. 55—58.

² «Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края», «Записки Русского географического общества по отделу этнографии», т. 2, 1869, Приложение, стр. 1—93.

³ А. Bielenstein, Ein glückliches Leben. Selbstbiographie, Riga, 1904, стр. 24.

⁴ А. Bielenstein, Gegen einen Aufsatz Veckenstedts, «Altpreussische Monatschrift», Bd. XXIII, Hft 5/6, 1886, стр. 472.

⁵ А. Bielenstein, Reiseskizzen aus dem Oberlande, «Baltische Monatsschrift», 1882, стр. 573.

ное значение съезда и выставки: для балтийских немцев представилась возможность продемонстрировать русским ученым не только эрудицию «верноподданных России» — прибалтийцев, но и показать низкий культурный уровень латышского народа и безбрежную заботу балтийских немцев о повышении латышской культуры. Биленштейн представил съезду два доклада на немецком языке: «Die lettische Burgberge» и «Die Holzzeit der Letten»⁶. Последний доклад Биленштейн назвал «скромной пробой пера» по истории культуры латышей. Но именно в этой «скромной пробе пера» он, ставя принципиально важный вопрос о периодизации истории латышской культуры, утверждал, будто существовавшая у латышей «эпоха дерева», начавшаяся в бронзовом веке, продолжалась вплоть до второй половины XIX в. Только тогда латыши якобы начинают приобщаться к потоку современной культуры⁷.

«Теорию» об «эпохе дерева» в истории латышской культуры Биленштейн положил в основу своего обширного этнографического труда, посвященного деревянным сооружениям латышей⁸. В этой работе Биленштейн заявлял, что до появления немцев в Латвии латыши в культурном отношении находились на уровне дикарей и что на таком уровне еще в начале XX в. стояли жители Латгалии и областей «дальше на восток»; латышей остальной территории Латвии из этого примитивного состояния спасли якобы прибалтийские немцы.

Под известным влиянием трудов А. Биленштейна развилась латышская буржуазная этнография. В годы господства буржуазии в Латвии из-за недостатка научно подготовленных кадров этнографическая наука была в загоне. Этнографией как смежной отраслью занимались художники, писатели, археологи, языковеды, архитекторы и др. Представители официальной этнографической науки буржуазной Латвии в целом положительно оценивали работы Биленштейна, считались с ним как с признанным авторитетом. Так, латышский языковед П. Шмит, уделявший внимание также вопросам фольклора и этнографии, в рецензии на труд А. Биленштейна «Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten» заявлял, что упреки по адресу Биленштейна в недостаточном уважении к латышской культуре не обоснованы⁹.

Эд. Паэглэ, в годы буржуазной Латвии издававший этнографический журнал «Латвияс саулэ», в целом одобрял теорию «эпохи дерева» Биленштейна¹⁰. Вслед за Шмитом и Паэглэ в известной мере под влиянием А. Биленштейна находилось и младшее поколение латышских этнографов. Это видно хотя бы на примере З. Лигера, который не только в своем труде, вышедшем в годы немецко-фашистской оккупации, но и в работах, изданных в эмиграции, продолжает опираться на труды Биленштейна, особенно на его «Die Holzbauten»¹¹.

Однако некоторые буржуазные латышские этнографы, писатели и публицисты резко критиковали Биленштейна за его нигилистическую оценку латышской культуры. Но, полемизируя с Биленштейном, они впади в другую крайность: пытаясь доказать древность латышской культуры и ее равноценность культуре других европейских народов, они увязли в различных антинаучных теориях. Весьма показателен в этом отношении изданный художником Р. Заринем трехтомный труд «Латвю раксты»¹², который латышские буржуазные этнографы и поныне еще превозносят как значительный вклад в латышскую этнографию¹³. Сборник этот, содержащий рисунки народной одежды, тканей, крестьянских построек, предметов быта и др., составлен бессистемно, и уже в 1928 г. латышской буржуазной печатью отмечалось, что в нем напечатано без разбора все, что попало под руку¹⁴. Помещенные в сборнике монографические статьи не увязаны с опубликованным там иллюстративным материалом. В качестве ведущего «теоретика» в сборнике выступил Матис Силинь (1861—1942) — один из тех бывших народных учителей, которых Биленштейн в свое время охарактеризовал как зачинщиков латышского национального движения¹⁵. В своей статье «Алшванга», помещенной в ука-

⁶ Труды X археологического съезда в Риге 1896 г., т. II, Рига, 1899, стр. 20—34, 35—41.

⁷ Там же, стр. 35—36.

⁸ Dr. A. Bielenstein, Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. Ein Beitrag zur Ethnographie, Kulturgeschichte und Archäologie der Völker Russlands im Westgebiet, тт. I—II, St.-Petersburg, 1907—1918.

⁹ P. Smits, A. Bielensteina grāmata «Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten», Rigas Latviešu biedrības zinību komisijas 16. rakstu krājums, Riga, 1912, стр. 3—9.

¹⁰ Ed. Paegle, Latviešu tautas māksla. Iss vēsturisks pārskats (Латышское народное искусство. Краткое историческое введение), Рига, 1935, стр. 21. Следует отметить, что Паэглэ «эпоху дерева» латышской культуры относит только к периоду крепостничества.

¹¹ Z. Liegers, Die Volkskultur der Letten, «Ethnographische Forschungen», т. I, Riga, 1942, стр. 380; его же Ethnographie Letton, Bâle, 1954, стр. 6.

¹² «Latvju raksti» (Латышский орнамент), тт. I—III, Riga, 1924—1931.

¹³ Z. Liegers, Die Volkskunde in Lettland, «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», Bd. 44, Heft 3, Basel, 1944, стр. 183; A. Dzērvīte, Latviešu daiļamatnīcība, «Latviešu lietišķā māksla. Nujorka» (s. d.), стр. 7.

¹⁴ «Latvijas saule», Riga, 1928, стр. 772.

¹⁵ A. Bielenstein, Die lettische nationale Bewegung und die kurländische Geistlichkeit, Leipzig, 1886, стр. 22.

занном сборнике, М. Силинь выдвинул ряд антинаучных теорий. Он, как и редактор сборника Р. Заринь, был сторонником так называемой норманнской теории. Оба они утверждали, что в древней Курсе и в Ерсике на р. Даугаве находились колонии норманнов и что здесь сохранились заметные следы варяжской культуры; этим якобы объясняется более высокий уровень материальной культуры в некоторых областях Латвии (например в Крустпилсской), чем в других ее областях¹⁶. По мнению Силиня, влияние проживавших здесь в VIII—IX вв. норманнов сказалось и на развитии общественного строя латышей, особенно в Курсе¹⁷.

«Норманнская» теория была нужна М. Силиню и Р. Зариню для доказательства связей латышской культуры с Западом уже в VIII—IX вв. Однако в другом месте той же статьи М. Силинь отрицает какое бы то ни было влияние соседних культур на развитие латышской культуры: «Тщетно усердствуют археологи и этнологи, которые ищут в нынешней или древней латышской культуре что-либо скандинавское и германское», — пишет он. По мнению М. Силиня, латышская культура выросла на месте помимо каких-либо внешних влияний. Стремление любой ценой доказать самостоятельность развития культуры латышей привело М. Силиня к очевидному противоречию с им же защищаемой «норманнской» теорией.

Латышские буржуазные этнографы, в поисках «истинно» латышской национальной культуры, замалчивали влияние на нее соседних народов. Вследствие этого создавалось впечатление мнимого превосходства латышей над другими, этнически смешанными народами, в противоположность которым латыши якобы сохранили свою древнюю культуру нетронутой. Необоснованность и антинаучность этой концепции очевидна. Народы не живут изолированно один от другого, у них имеются широкие торговые и культурные связи с соседями. Точно так же и у латышей были длительные связи со славянами, финно-угорскими, германскими и другими народами, оказавшие более или менее глубокое влияние на латышскую культуру. Авторы сборника «Латвию раксты» замалчивают это, считая, что это умалило бы ценность и самобытность латышской национальной культуры. С такой установкой нельзя согласиться, ибо нет народа с какой-то специфически «чистой», этнически не смешанной культурой. Если в буржуазной Латвии такие взгляды преуспевали, то потому, что соответствовали «социальному» заказу латышской буржуазии. Эти взгляды обнаруживают незрелость некоторых латышских буржуазных этнографов того времени. С научной подготовкой этнографов латышская буржуазия не спешила. Курс этнографии в Латвийском университете стали читать только в 1938 г., когда была утверждена сверхштатная доцентура по латышской этнографии. Лектором был приглашен молодой шведский этнограф Даг Тропиг. Читанный им курс и практические занятия не были обязательны для студентов. Латышская буржуазия уделяла гораздо больше внимания археологии, от которой ждала сведений о древних городищах и замках латышских королей и князей. Этнография же в глазах латышской буржуазии не была достойна глубокого внимания, так как этнографический материал свидетельствовал о тяжелой и угнетенной жизни народных масс. Некоторое внимание было уделено лишь одной из проблем этнографии — народной одежде. При этом разыскивались наиболее богато украшенные одеяния, якобы свидетельствующие о превосходстве латышской народной культуры над культурами других народов¹⁸.

С восстановлением в 1940 г. в Латвии Советской власти положение в этнографической науке радикально изменилось. Были восстановлены научные связи с этнографами всего Советского Союза, где эта наука достигла высокого уровня развития. Советские этнографы выдвинули ряд широких этнографических проблем: проблем этногенеза, развития материальной культуры, культурного взаимодействия народов и др. Руководствуясь методологией исторического материализма, советские этнографы рассматривают этнографические явления в тесной связи с социально-экономическими и историческими условиями соответствующего времени. Историзм советской этнографии открывает широкие возможности для изучения генезиса и этнической культуры любого народа¹⁹.

Развитие Советской Латвии на время было прервано немецко-фашистской оккупацией (1941—1944), грозившей латышскому народу полным уничтожением. После героической победы Советской Армии и изгнания оккупантов, в Советской Латвии возобновилась работа по культурному строительству. В 1946 г. была основана Академия наук Латвийской ССР. Учитывая недостаток научно подготовленных кадров в области этнографии, при Институте истории и материальной культуры была организована не-

¹⁶ R. Zariņš, Latava, «Latvju raksti», т. II, стр. 2—3.

¹⁷ M. Siliņš, Alšvanga, «Latvju raksti», т. I, стр. 43.

¹⁸ О латышской народной одежде и орнаменте появилось несколько объемистых трудов, например: A. Dzervītis un Dr. V. Ginters, Latviešu tautas tērpi, Rīgā, 1936; T. Kivicka un A. Karnups, Novadu tērpi. 15 burtņicas, Jēgavā, 1938—1939.

¹⁹ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 8—28; его же, Основные задачи и пути развития советской этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, М., 1950, стр. 5—14; «Величественная программа строительства коммунизма и задачи этнографов», «Сов. этнография», 1959, № 2, стр. 3—9.

большая группа этнографов под руководством кандидата филологических наук Д. Э. Земзаре. Группа организовала экспедиции по собиранию этнографического материала²⁰, установила научные связи с Институтом этнографии им. Миклухо-Макла Академии наук СССР, имеющим большой опыт в собирании и изучении этнографического материала. В 1950 г. группа была преобразована в Сектор этнографии при Институте фольклора, переименованного в Институт этнографии и фольклора. В процессе дальнейшей реорганизации этот сектор в 1956 г. был присоединен к Институту истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР, чем было достигнуто тесное сотрудничество этнографов и историков.

Начиная с 1952 г., по инициативе московских этнографов начала свою работу Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция, в которой принимают участие этнографы, антропологи, археологи, филологи и историки Москвы, Ленинграда, Белоруссии и трех Прибалтийских республик. В задачи экспедиции входит изучение проблем этногенеза и этнической истории восточнобалтийских народов, а также изменений в их жизни и культуре в результате социалистического строительства²¹. Экспедиция сыграла большую роль в воспитании кадров молодых этнографов Прибалтийских республик, в том числе и Советской Латвии. Для подготовки квалифицированных специалистов-этнографов Академия наук Латвийской ССР направила в аспирантуру Института этнографии АН СССР несколько своих научных сотрудников, которые после окончания аспирантуры защитили кандидатские диссертации²². Одновременно несколько кандидатских диссертаций на этнографические темы были разработаны и защищены в Институте истории и материальной культуры АН Латвийской ССР²³, а на ближайшее время предусмотрена защита еще нескольких диссертаций²⁴. Таким образом, при содействии Института этнографии АН СССР вопрос о научных кадрах этнографов Латвии сравнительно быстро и успешно разрешается.

Значительному повышению научной квалификации этнографов Советской Латвии способствуют межреспубликанские совещания и сессии, на которых они, выступая с сообщениями, проверяют правильность своих выводов. Этнографы Латвии принимают также участие в ежегодных совещаниях и отчетных сессиях Института этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде и в сессиях академий наук Эстонской и Литовской ССР в Таллине, Тарту и Вильнюсе²⁵. Этнографы совместно с археологами и музейными работниками ежегодно проводят отчетные сессии в Риге. Кроме того, Сектор этнографии каждое лето организует выездные сессии в районах, где, помимо сообщений о работе этнографов, организует выставки прикладного искусства соответствующего района²⁶.

²⁰ См. D. Zemzare, Etnografisko ekspedīciju ieguvumi 1947 gadā, «Latvijas PSR ZA Vēstis», 1948, 12, стр. 111—124.

²¹ Материалы и исследования Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции опубликованы в изданиях: «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954; «Балтийский этнографический сборник», та же серия, т. XXXII, М., 1956, а также в «Трудах» экспедиции, тт. I и II, которые вышли в 1959 г.

²² М. К. С л а в а, Латышская женская одежда и ее орнаментация (XVIII—XX вв.). Автореферат диссертации, М., 1955; А. А. З а в а р и н а, Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во второй половине XIX и начале XX века, Автореферат диссертации, М., 1955; И. А. Л е й н а с а р е, Земледельческие орудия латышей в XVIII и первой половине XIX века (В связи с изучением этнической истории народа), Автореферат диссертации, М., 1958; Р. Я. Д е н и с о в а, Антропологический состав восточных латышей и восточных литовцев, Автореферат диссертации, М., 1958.

²³ С. Я. Ц и м е р м а н и с, Быт сельскохозяйственных рабочих Курземе и Земгалы во второй половине XIX века, Автореферат диссертации, Рига, 1958; А. К. К р ы с т ы н я, Крестьянское жилище в Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма, Автореферат диссертации, Рига, 1958; Л. С. Е ф р е м о в а, Семья и семейный быт латгальских крестьян во второй половине XIX — начале XX века, Автореферат диссертации, Рига, 1960.

²⁴ Кандидатские диссертации в конце 1960 г. предполагают защитить А. П. Алсуго на тему «Домашнее ткачество в Видземе в период капитализма» и Э. П. Чивкуль — «Положение и быт сельскохозяйственных рабочих в Видземе во второй половине XIX века».

²⁵ В 1959 г. на межреспубликанских сессиях латвийские этнографы выступили с сообщениями: в Москве — А. К. Крастыня — «Некоторые замечания о строительстве жилищ колхозников Латвийской ССР», Л. С. Ефремова — «О некоторых итогах изучения культуры и быта рыбаков видземских рыболовецких артелей»; в Тарту — М. К. Степерманис — «Некоторые итоги этнографических экспедиций АН Латвийской ССР».

Первые два доклада в расширенном и доработанном виде вошли в настоящий номер журнала (см. выше). — *Ред.*

²⁶ Такие выездные сессии состоялись в 1956 г. — в Гулбене, в 1957 — в Лимбажи, в 1958 — в Валке, в 1959 — в Мадоне.

Важнейший источник этнографических знаний — жизнь самого народа. Поэтому этнографы Советской Латвии уделяют большое внимание ежегодным экспедициям. В отличие от собирания этнографического материала в буржуазной Латвии экспедиции сектора этнографии проводятся по заранее разработанному плану, в них, помимо этнографов, принимают участие также музейные работники, языковеды, архитекторы, историки. Некоторое представление о собранном в последнее время в Советской Латвии этнографическом материале дает следующая таблица:

Район	Год	Число участ- ников	Количество собранных единиц						
			Описания	Фотогра- фии	Образцы текстов	чертежи	Рисунки	Карты	Всего
Бауский	1951	9	293	5	87	23	101	—	510
Неретский и Акнистский	1952	8	289	129	76	66	242	7	909
Цесисский и Алуксненский	1953	10	626	138	95	104	338	2	1 303
Гауенский	1954	15	1 437	1002	216	100	928	4	3 686
Вияньский	1955	8	407	54	51	84	240	4	840
Гулбенский	1956	12	660	1 455	157	72	659	1	3 004
Лимбажский	1957	14	1 622	2 226	198	123	625	—	4 794
Валкский	1958	20	1 654	2 366	325	62	1 116	—	5 523
Крустпилсский и Мадон- ский	1959	18	4 010	1 032	203	140	1 615	—	7 000
		114	10 998	8 407	1 408	774	5 864	18	27 569

Следует признать, что научно-исследовательская работа в области этнографии в Советской Латвии еще недостаточно развернута. Тем не менее работа ведется в трех направлениях: 1) по проблеме этногенеза латышского народа; 2) по истории развития материальной и духовной культуры латышского народа; 3) по изучению изменений в культуре и быту латышского народа в результате социалистического строительства.

Первая проблема весьма обширна. Ее необходимо координировать с этнографами соседних республик. Поэтому она разрабатывается в рамках работ Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. По второй проблеме необходимо в первую очередь исследовать отдельные вопросы истории культуры латышей — развитие жилища, одежды, орудий труда, пищи, быта и проч. По этим вопросам опубликованы две монографии²⁷ и несколько статей²⁸.

Литература буржуазных латышских этнографов не очень обширна; кроме того, на ней сильно сказались влияние реакционных, псевдонаучных теорий — измышлений идеологов балтийских немецких баронов. Этнографам Советской Латвии следует серьезно заняться переоценкой и критикой оставленного этнографического литературного наследия. Равным образом необходимо дать отпор антинаучным построениям латышских буржуазных этнографов, живущих за границей. Кое-что в этом отношении сделано в историографических обзорах, помещенных в вышедших монографиях. Но этого еще очень мало.

Успеху исследовательской работы латышских этнографов содействовал бы этнографический атлас Латвии, который показал бы распространение и развитие важнейших элементов материальной и духовной культуры народа. В годы буржуазной Лат-

²⁷ S. Cimermanis, Laukstrādnieku dzīves veids Kurzemē un Zemgalē 19. gadsimta otrajā (Быт сельскохозяйственных рабочих Курземы и Земгале во второй половине XIX века), Rīga, 1959; A. Krastiņa, Zemle dzīvojamās ēkas Vidzemē kļaušu saimniecības sairšanas un kapitālisma nostiprināšanās laikā (Крестьянские жилища В Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма), Rīga, 1959.

²⁸ М. К. С л а в а, Крестьянская одежда латышей и орнамент на предметах домашнего убранства (Неретский и Акнистский районы Латвийской ССР), «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», М., 1954, стр. 114—125; И. А. Лейна с а р е, Земледельческие орудия латышей в XVIII — первой половине XIX века, «Сов. этнография», 1957, № 6, стр. 19—30; S. Cimermanis, Laukstrādnieku iedalījums, dzīvokļi un darba apstākļi Zemgalē un Kurzemes rietumu daļā XIX gs. otrā pusē, «Archeologija un etnografija», I, Rīga, 1957, стр. 51—74; A. Krastiņa, Vidzemes zemnieku mājokļi kļaušu saimniecības sairšanas periodā, там же, стр. 75—98; I. A. Leinasare, Zemkopības darba rīki kļaušu saimniecības sairuma posmā, там же, стр. 99—114; K. Jeļņemova, Dažas Latgales latviešu zemnieku ģimenes svinības XIX gs. otrā pusē, там же, стр. 115—127; A. Alsups, Audēju aroda apmācība Vidzemē kapitālisma periodā, «Latvijas PSR ZA Vēstis», 1959, № 4, стр. 11—20.

вии такой атлас не был составлен²⁹. Подготовку этнографических атласов по различным областям Советского Союза начал Институт этнографии АН СССР. В эту работу включился также Сектор этнографии Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР.

Этнографы Советской Латвии приступили к работе и над третьей проблемой, крайне важной и актуальной, об изменениях в культуре и быте латышского народа в результате социалистического строительства. Изучением этой проблемы заняты научные сотрудники Сектора этнографии Л. С. Ефремова, М. К. Слава, А. К. Крастыня.

Заканчивая настоящий краткий обзор, необходимо подчеркнуть, что в минувшие годы в Советской Латвии была проделана большая работа в области культурного строительства, которой особенно содействовала Академия наук Латвийской ССР. Если молодой и немногочисленный пока коллектив этнографов Советской Латвии добился некоторых, хотя и скромных успехов, то это лишь благодаря заботе и поддержке со стороны Коммунистической партии Латвии, а также дружеской помощи научных учреждений Всесоюзной Академии наук³⁰.

Развитие этнографической науки в Советской Латвии идет по верному пути советской этнографической школы в дружеском сотрудничестве с этнографами братских советских республик. Это позволяет надеяться, что этнографы Советской Латвии создадут полноценные научные исследования, тесно связанные с жизнью и запросами латышского народа.

²⁹ Опубликовано лишь несколько отдельных карт по диалектологии, археологии и этнографии (В. Руке, П. Кундзинь, А. Карнуп и др.). В настоящее время эти карты устарели.

³⁰ Следует упомянуть одного из руководителей Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции Л. Н. Терентьеву и ее многолетнюю работу по изучению быта латышского крестьянства, в результате которой в ближайшее время появится ее обширная историко-этнографическая монография «Колхозное крестьянство Латвии».